

Дебют на улице Чаплыгина

Рассказ о студии Олега Табакова

ДЕЛО БЫЛО в подвале на улице Чаплыгина.

Боже мой, как милы сердцу эти подвалы, в которых начинаются, живут и, увы, умирают сегодня маленькие театры! Иногда любительские, иногда профессиональные, которых много множество распространены в нашей стране и которые суть наш времени, требующие личного участия, а не брoзжания по поводу устаревших форм, требующего пробы, и притом самой высокой. Таким был подвал на Мятной, где начинала осуществлять себя Арбузовская студия, к какой-то имеет честь принадлежать автор этих строк. Такими «комнатные», «карманные» и иные театры Еланской, Игоря Васильева, Левинского, сама модель и принцип существования которых сегодня серьезно поддерживаются и комсомолом, и органами культуры.

И вот подвал на улице Чаплыгина. Деревянный пол, стены, затянутые черной материей, софиты, придельные прямо к потолку, деревянные скамьи для зрителей. Обстановка самая неприглядная, но уже своей неприглядностью располагающая к доверию. Здесь тринадцать молодых людей в возрасте от семнадцати до двадцати двух играли спектакль «...и с весной я вернусь к тебе»; герой и автор — Николай Островский (молодой драматург Алексей Казанцев взял в основу пьесы пьесы Островского и его книгу «Как закалялась сталь»). Когда была чинка, тринадцать и еще двое (все их пятнадцать) сказали: «Это про нас. Дороже такого отношения к материалу трудно что-либо придумать. Оно сказалось в работе на премьеру и во всех последующих спектаклях, как же видели зри-

тели — в возрасте от семнадцати до семидесяти.

Они играли историю человеческого и политического возмужания юноши, своего сверстника, который жил за полвека до них, но который похоже, только в более обнаженных, прямых и острых формах, сталкивался с бытовым равнодушием, цинизмом, неверием, а также другой верой, причем воплощали эти свойства на какие-то картонные фигуры, а живые люди, и что всего труднее, друзья, один за другим становившиеся бывшими. Юноша сталкивался с любовью и смертью, и смерть в тех обстоятельствах была ближе и понятнее ему, чем любовь; это тоже выискло трагическую — и одновременно трагично-смешную — ноту в их повествование о том времени и о себе.

Спектакль поставил Валерий Фокин, молодой, однако уже с четкими признаками мастерства и собственного почерка режиссер. В том, как верно овладел сложным психологическим рисунком образа Туфты Виктор Никитин; в том, как истоно открывала свою правду Дубава — Александр Марин; как узнаваемо была в каждой черточке поведения Обыватель — Сергей Газапов, Анна Дубава — Лариса Кувицкая, — во всем сказывался режиссер. Но и актеры тоже. Потому что, сколько ни прокламируй свое понимание истории и современности, сколько ни будь богат прекрасными намерениями сказать о них правдивое слово, — если скудным творческими возможностями, то и скажется скудно. Хот, никого не было актерские таланты.

Три года назад Олегу Табакову и его товарищам, вателшним новое дело, пришлось быть театральным и не знающим сострадания: надо было расставаться с кем-то из тех, кого они знали уже долгое время, с кем были пережиты первые радости и первые горести и валеялись первые гордые надежды. Студия при Дворце пионеров в переулке Стопани заканчивала свое бытие, начинался ГИТИС, где Табаков набирал актерский курс, который — на этот счет у Табакова был продуманный план — должен был стать театром. И если даже очень хорошо люди не обещали стать очень хорошими актерами, с ними прощались.

Говорит Табаков: «Совместные бдения, разговоры, споры, клятвы хороши, так скажете, до утра. Или, наоборот, до вечера. Нас формирует, спланивает, возбуждает по-настоящему только работа. Работа рождает единичных людей, проясняет внутреннюю стоимость вещей.»

Со своими мальчиками и девочками, вовсе не так уж хорошо образованными и хорошо воспитанными, он сразу сделал упор на Гоголя, Достоевского, Булгакова, Вампилова, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Ефремов, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Ефремов, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Ефремов, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Ефремов, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Ефремов, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Ефремов, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Ефремов, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Ефремов, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Ефремов, а также Шекспира, Мольера, Стриндберга, Руженкину — в плане работы. И в плане общего круга чтения — на Шукшина, Залыгина, Выкова, Алтматова, Распутина. Когда приехавший из Баку Сергей Газапов открыл в свои децатидеять лет Фолкнера, это было открытие целого мира. В студии только часть москвичей, Елена Майорова — с Сахалина, Александр Марин — на Воронеж, Нина Нижерадзе — из Киева... Они выжили мировой культуре и литературе с жадностью птенцов, получивших необходимость для жизни пишу. К ним звали людей, и встрече с которыми другие могут только гадать. Пришел Катев, говорил о жизни художника. Пришел замечательный человек

Пять лет назад на одном из «бдений» с друзьями Табаков заговорил о новом театре. Речь оказалась эскизнографирована. Сегодня Табаков слово в слово верен той программе. Ее основные параметры: как найти для жизни человеческого духа на сцене уникальные формы; как сделать так, чтобы актеры владели профессией (голос, пластика и т. д.); как притянуться к уникальности автора (единственным спасением от канолизации самих себя); и самое важное — как сделать так, чтобы был театр смысла.

Говорит Табаков: «Почему мы хотим иметь дело в основном с драматургией — не с прозой? Возвращаясь в последнее время театр психонирок — театр, в первую очередь эгоистический, театр для режиссера, могущего блеснуть своим пониманием литературы. Один раз можно. Два — уже мошль. Три — костная мошль...»

Слушая Олега, думаю: хорошо бы сохранить это, пусть субъективно, зато живое, горячее и азартное размышление. Как это обычно бывает: не только учитель воспитывает учеников — ученики воспитывают учителя. Олег, как бы мысля мои мысли:

«Может быть, наше дело дороже пока тенденции, чем шерешням. В тенденции — говорить правду себе и другим, вынимать дурное из себя и из них. Гласность и честность — дорогие принципы.»

Сейчас в работе у студийцев спектакли: «Прошание в июне» Вампилова, «Две стрелы» Володина, «Полуночный Журден» Мольера...

Спрашиваю: «А молодая драматургия? Если вы хотите говорить о современнике,

как обходить без современника?»

Следует ответ: «Никак не обходить. Хотим встретиться с Арбузовской студией.»

ПОХОЖЕ ЛИ это начало на начало «Современника»?

Время равно. Раньше же и эта точность. Тогда надо было двигаться, пробовать и доиспытывать. И сейчас, конечно, так. Талант всегда должен делаться свое право на место, на какое он претендует. Но теперь, когда действуете в стапелинские ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», все органы и организации только и ищут молодых, которым надо помочь. Вот и студию Табакова уже не надо «открывать» — только работайте, только будьте так, чтобы был театр смысла.

Решает другие. Каждый, кто знает сегодняшних двадцатилетних и умеет сопоставить их с теми, кому двадцать лет двадцать лет назад, без труда поймет, в чем сложное, а в чем легче сегодняшняя деятельность Табакова. Но реальность есть реальность. Во всяком случае то, с какой надеждой они готовятся выйти на подмостки сцены, на подмостки жизни, чтобы сказать свое слово, и сказать и нас надежды, что они это слово скажут и нам не придется краснеть за них. Пусть сегодня, появляясь на сцене «Современника» в свитке «Воскресения и семь грехов», почти все они говорят «с голоса» Табакова; пусть ярлы «Станиславский» и «Немирович-Данченко» нового предпринятия не все согласны (как не бывает все согласны ни в каком творческом начинании, на то оно и творчество); пусть кто-то еще должен прибавлять от «бабьина-чичья» (защитным этим неясным термином как-кие личные недостатки); пусть... Без нечего, без претерпит обретенный. Важно не врать самим себе и реально отдавать себе отчет в том, что есть что.

О. КУЧКИНА.

16 ФЕВ 1979
СОВЕТСКОЕ ПРАВО
МОСКВА